ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ
(ГОДЪ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ).

Октября 1. № 19. 1910 года.

Слово въ недѣлю XIII-ю по Пятидесятницѣ. *)

Въ сегодняшнемъ Евангельскомъ благовѣствованіи слышали мы, братіе, одну изъ глубоконазидательнѣйшихъ притчей Христа Спасителя. Вотъ что говоритъ Спаситель въ этой притчѣ: одинъ хорошій хозяинъ устроилъ у себя виноградникъ и отдалъ его для воздѣлыванія работникамъ. Когда же пришло время собиранія плодовъ, онъ посылаетъ къ работникамъ въ виноградникъ рабовъ своихъ, чтобы они приняли собранные плоды. Но работники вмѣсто того, чтобы отдать, по приказанію хозяина, собранный виноградъ, схватили посланныхъ рабовъ и нѣкоторыхъ били, иныхъ убили, а нѣкоторыхъ побили камнями. Снова посылаетъ хозяинъ новыхъ рабовъ и притомъ посылаетъ больше, чѣмъ посылалъ первый разъ; но и этихъ постигла участь, одинаковая съ первыми. Что же дѣлать? думаетъ хозяинъ, какъ мнѣ быть съ ними?—И наконецъ рѣшилъ послать къ нимъ сына своего, въ полной увѣренности, что они постыдятся его. Но не постыдились злые виноградари и сына.—*Это наслѣдникъ; пойдемъ, убьемъ его и завладѣемъ наслѣдствомъ его*—, сказали они другъ другу и, схвативши сына, вывели его вонъ изъ виноградника и убили.

Вотъ содержаніе слышанной нами притчи.—Кто же этотъ хозяинъ дома, устроившій виноградникъ и ожидавшій плодовъ отъ него? Это Богъ, это Отецъ нашъ Небесный, возлюбившій насъ прежде созданія міра. Когда люди пали и, отступивши отъ воли Его, все болѣе и болѣе погрязали въ тинѣ грѣха и беззаконія, уловляемые діаволомъ, Онъ, имѣющій богатство милосердія, призрѣлъ съ высоты святыя Своея на падшихъ созданій Своихъ и устроилъ для нихъ на землѣ спасительный виноградникъ, гдѣ могли бы найти отраду и успокоеніе и спасеніе вѣчное всѣ, обремененные тяжестію грѣховной жизни, обезсиленные въ борьбѣ съ діаволомъ.—И съ радостію поспѣшили въ этотъ

*) Произнесено въ Свято-Духовѣ монастырѣ при литургійномъ служеніи Преосвященнаго Антонія. Епископа Вельскаго, 5 сентября 1910 года.

спасительный виноградникъ всѣ лучшіе люди ветхозавѣтнаго времени, вознося горячія молитвы о прощеніи грѣховъ и съ вѣрою прозрѣвая отдаленныя времена Мессіи Христа. — Это церковь ветхозавѣтная. — Это — общество вѣрующихъ, соединенныхъ между собою одною вѣрою, однимъ упованіемъ на имѣющаго явиться въ міръ Искупителя. Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, затѣмъ Моисей и послѣдующіе пророки. — Всѣ эти великіе и святые люди были сынами и руководителями — патріархами въ этой церкви. Но впослѣдствіи управителями и руководителями народа еврейскаго сдѣлались книжники и фарисеи. — *На Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣли книжники и фарисеи* (Мѳ. XXIII, 2). — Эти люди и были такими учителями и руководителями народа, что, по слову обличавшаго ихъ Христа, ни сами въ царствіе небесное не входили, ни другихъ войти научить не могли (ст. 13) Это — тѣ виноградари, коимъ ввѣрено было Богомъ воздѣлываніе великаго виноградника — спасенія душъ человѣческихъ. Когда для обличенія ихъ и наставленія народа, блуждавшаго подобно овцамъ, неимѣющимъ пастыря, Господь посылалъ вѣрныхъ рабовъ Своихъ, то негостепріимно встрѣчали ихъ эти руководители и учители. Намъ извѣстна участь Исаіи, Захаріи, сына Варахіина и другихъ многочисленныхъ посланниковъ Божіихъ. Эти послѣдніе и разумѣются въ притчѣ подъ именемъ, посланныхъ въ виноградникъ, рабовъ. Но кто же этотъ сынъ, посланный въ виноградникъ, чтобы однимъ появленіемъ своимъ пристыдить злыхъ виноградарей? — Это — Единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Какъ тамъ, въ притчѣ, злые виноградари вывели хозяйскаго сына вонъ изъ виноградника и убили, такъ по беззаконному суду книжниковъ и фарисеевъ убитъ внѣ Іерусалима на голгоѳскомъ крестѣ нашъ Божественный Спаситель.

Переходя отъ этой притчи къ собственной жизни, поспѣшимъ, братіе, извлечь спасительный урокъ для себя.

Всѣ мы, искупленные безцѣнною кровію Христа Спасителя нашего, принадлежимъ къ церкви Христовой, къ этому, устроенному на землѣ, великому винограднику Божію. Всѣ мы призваны наслѣдовать жизнь вѣчную, царствіе небесное, всѣ усыновлены Богу, чрезъ крестныя страданія Единороднаго Сына Его. Безпредѣльная любовь Отца небеснаго къ падшимъ созданіямъ Своимъ низвела съ неба на землю Сына Единороднаго, *чтобы всякій, вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.* (Іоан. III, 16) И смотрите, братіе, какъ чудно устроенъ

этотъ вертоградъ Божій?—Вотъ сонмъ провозвѣстниковъ Евангельской истины, апостоловъ святыхъ.—*Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Пс. XVIII, 5). И мы, грѣшные, отдаленные отъ нихъ временемъ, всегда имѣемъ предъ собою проповѣданные ими глаголы живота вѣчнаго, въ лицѣ ихъ Боговдохновенныхъ писаній. Все, что потребно для нашего спасенія,—все это полностію запечатлѣно на вѣки вѣчные въ этихъ священныхъ писаніяхъ. *Если*, говоритъ св. Апостолъ, *мы или Ангелъ съ неба благовѣститъ вамъ больше, нежели благовѣстили мы, да будетъ анаѳема.* Но что если мы, имѣя такое безцѣнное сокровище, не пользуемся имъ, мало, или даже совсѣмъ не знакомы съ Боговдохновенными писаніями апостольскими?—Что, если и зная эти вѣщанія и глаголы, призывающіе насъ стремиться къ достиженію царствія Божія, мы все таки заботимся не о царствѣ небесномъ, а болѣе о благополучіи и счастіи земномъ? - Вѣдь не скажутъ ли и намъ св. апостолы Христовы тоже самое, что сказалъ св. апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ—*къ стыду вашему скажу, нѣкоторые изъ васъ не знаютъ Бога.* (1 Кор. XV, 34)? Не жалуются ли и они, какъ въ древности св. пророки на непокорнаго Израиля, Господу:—*Господи! мы говоримъ имъ, а они не слушаютъ?* (Притчи 1, 24; Исаіи 53, 1; 65, 12).

Вотъ—непрестанно хвалящее Господа *пресвѣтлое мученическое воинство!* (хвалебн. пѣснь св. Амвросія Медіол.). *Поруганія и побои, узы и темницу* претерпѣли они; иные *были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткѣ, умирали отъ меча* (Евр. 11, 36—37) и вообще скорбнымъ, кровавымъ путемъ вошли они въ радость Господа Своего. Никакіе ужасы мученій, ничто не могло разлучить ихъ отъ любви Божіей (Рим. VIII, 35).—И вотъ мы прославляемъ и ублажаемъ въ лицѣ ихъ доблестныхъ страдальцевъ, мужественныхъ воиновъ Христовыхъ, кровь свою пролившихъ за исповѣданіе вѣры во Христа. Но что, если это прославленіе наше пресвѣтлаго лика мучениковъ Христовыхъ ограничивается одними лиш словами? Что, если, зная многострадальные подвиги ихъ, быть можетъ, даже умиляясь ими, сами мы не подражаемъ имъ, не перенося благодушно и терпѣливо даже малѣйшихъ испытаній жизненныхъ?

Признаютъ ли они тогда, въ день судный въ насъ своихъ братьевъ и друзей?

А вотъ преподобные и Богоносные подвижники Христовы. Тѣснымъ и узкимъ путемъ стремились они къ царствію небесному. Всѣ радости и утѣхи, все, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ міръ грѣховный человѣка, —все это оставили они и всю жизнь свою посвятили на борьбу съ грѣхомъ, приближаясь къ Богу непрестанными подвигами поста и покаянія и всегдашнею умиленною молитвою. *Царствіе Божіе*, говоритъ Христосъ Спаситель, *нудится* т. е. употребляющіе усиліе *восхищаетъ его.* (Мѳ. XI, 12). Преподобные подвижники и оставили намъ поучительный примѣръ такого усиленнаго достиженія царства небеснаго, вѣчнаго спасенія въ Христѣ Іисусѣ. —Но, что, если мы, и зная эти поучительные уроки изъ жизни преподобныхъ угодниковъ Божіихъ, зная какіе труды и подвиги несли они, нерѣдко въ продолженіе всей жизни своей, мы нисколько не заботимся о подражаніи имъ? Что, если зная ихъ молитвенное дерзновеніе ко Господу, мы, хотя и просимъ у нихъ заступничества предъ Богомъ, сами не стремимся стяжать и возгрѣвать въ сердцѣ своемъ даръ общественнаго молитвеннаго общенія съ Богомъ? Простутъ ли тогда они свои преподобныя руки предъ Господомъ за насъ грѣшныхъ и признаютъ ли насъ?

Св. Пастыри и учители вселенной Богомудрыми писаніями своими неумолчно приглашаютъ насъ стремиться къ достиженію царства небеснаго. Но если мы сами очень легкомысленно относимся къ голосу ихъ, то не они, звавшіе насъ, отвѣчать будутъ за насъ предъ Богомъ, а мы не послушавшіе ихъ спасительнаго голоса. Подобно древнимъ пророкамъ, и они скажутъ: *Господи! мы имъ говоримъ, а они насъ не слушаютъ.*

Такъ, братіе, виноградникъ Божественный, церковь Христова явила намъ множество работниковъ, трудившихся для спасенія себя и ближнихъ. Они и явились въ церкви Божіей виноградарями, но незлыми, каковы виноградари въ слышанной нами притчѣ, а добрыми и вѣрными рабами Господа своего. Всѣ они, вмѣстѣ съ св. апостоломъ, всегда могли бы сказать: *мы до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся,* (I Кор. V, 11 12) *и труждаемся, дѣлающе своими руками.*

Что же мы—виноградъ, насажденный Деснницей Божіей?—Вѣдь и отъ насъ ждетъ плодовъ Сотворившій насъ по образу и подобію Своему, Искупившій насъ, Господь Богъ нашъ, подобно изображенному въ притчѣ хозяину виноградника.—Все устроилъ

онъ, что необходимо для хорошаго виноградника, и ожидаетъ должныхъ плодовъ.—Все устроено въ церкви Божіей, для спасенія насъ вѣрующихъ потребное, всѣ средства предоставлены. Отъ дней рожденія она, мать наша любвеобильная, церковь Христова заботливо принимаетъ насъ, чрезъ купель крещенія, подъ свое покровительство.—И продолжается это покровительство всю жизнь—до гробовой доски, а тамъ молитвы церкви о загробной участи умершихъ чадъ ея завершаютъ это благостное покровительство. И вотъ немощный человѣкъ, съ задатками грѣха, подъ водительствомъ церкви, укрѣпляемый ея ученіемъ, ободряемый ея молитвами, снабдѣваемый и врачуемый Богоустановленными таинствами, совершаетъ онъ свое спасеніе, работая Господу со страхомъ и трепетомъ и принося достойные плоды покаянія. Если бы мы, братіе, спросили кого-либо изъ великихъ подвижниковъ: какимъ образомъ съ слабыми человѣческими силами могъ онъ побѣдить свои страсти, побороть исконнаго врага нашего спасенія—діавола?—онъ безъ сомнѣнія отвѣтилъ бы намъ словами апостола: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ*, или словами одной пѣсни церковной: *Христосъ моя сила, Богъ и Господь*!

Да будетъ же и для насъ грѣшныхъ Господь Іисусъ Христосъ силою и укрѣпленіемъ, а церковь Его святая любящею матерію, да и мы принесемъ Господу нашему достойные покаянія, помилованія и спасенія вѣчнаго, плоды. Аминь.

Вологодскаго Спасо-Всеградскаго Собора

Священникъ *Александръ Соколовъ*.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРИЧЕТНИЧЕСКАГО СЫНА.

На мѣсто добрѣйшаго о. инспектора старца архимандрита Діонисія, за выслугою на пенсію, оставившаго духовно-учебную службу при семинаріи, былъ опредѣленъ инспекторомъ въ 1860 г. молодой іеромонахъ Григорій Воиновъ, магистръ, родомъ Москвичъ. Вотъ подтянетъ-то семинарію, думали мы и ошиблись, на счастье, или несчастье свое. Разъ сидимъ мы на урокѣ психологіи у Протогена Вонифатьевича, разбиравшаго письменныя работы наши и дававшаго, по поводу ихъ же, тѣ или другія разъясненія. „Наша наука“, говорилъ онъ между прочимъ, „не догматика.—Для меня не важно, что вы рѣшаете вопросъ въ согласіи съ теоріей даннаго времени, ибо онѣ мѣняются. А важно то, какъ вы, т. е. каждый изъ васъ въ отдѣльности думаетъ, широко-ли и глубоко-ли его мысль проникаетъ въ вопросъ, какъ

человѣкъ освѣщаетъ его и какъ сильно, логично и умно доказываетъ свое мнѣніе". А на мое возраженіе, при другомъ случаѣ, въ частной бесѣдѣ, когда я говорилъ ему, что нашъ умъ не его умъ, не тѣ и познанія, что мы наговоримъ пожалуй и наивныхъ и глупыхъ вещей, онъ, успокоивая меня, отвѣчалъ: „вѣрьте себѣ, своему здоровому уму и говорите обдуманно и смѣло.—И еслибы ваши мысли были и не во вкусѣ большинства ни въ смѣшное, ни въ унизительное положеніе онѣ васъ не поставятъ". Покончивъ съ нашими сочиненіями и по поводу ихъ свою бесѣду съ нами, Протогенъ Вонифатьевичъ вдругъ ставитъ вопросъ: „а слышали вы, кто назначенъ инспекторомъ нашимъ?"—Слышали, но никто ничего не знаетъ о немъ,—что это за особа, грядущая къ намъ.—„Ну такъ я вамъ скажу. Это мой товарищъ по академіи, монашество принялъ онъ еще студентомъ, какъ Москвичъ и, какъ монахъ, онъ магистръ,—и только—А какъ человѣкъ,—что онъ такое? ставимъ мы вопросъ.—„Человѣкъ котораго бояться нечего, да вотъ онъ скоро пріѣдетъ, увидите и судите сами", заключилъ свой отзывъ о новомъ инспекторѣ нашъ уважаемый профессоръ. И пріѣхалъ нашъ инспекторъ дѣйствительно скоро, и увидѣли и услышали, и узнали, и не полюбили его, начиная кажется съ о. ректора и кончая послѣднимъ служителемъ. Физически этотъ человѣкъ такъ былъ обиженъ природой, что лучше не описывать, даже вмѣсто голоса изъ устъ его раздавалась одна хрипота, а, по душѣ, дитя, пожалуй капризное, но далеко не умное, оскорблявшееся мелочами и досаждавшее людямъ. На серьезное дѣло онъ былъ не способенъ. Почему и при немъ, въ воспитательномъ отношеніи, семинарія осталась при тѣхъ-же дѣдушковыхъ порядкахъ, какіе были установлены старцемъ Діонисіемъ. Не прослужилъ онъ, бѣдный, и двухъ лѣтъ, какъ видно стало что людей, недовольныхъ имъ ужъ много. Однажды осеннимъ вечеромъ сидимъ мы въ канцеляріи; занимаясь своими дѣлами, кто готовитъ урокъ, кто пишетъ сочиненіе, кто читаетъ, кто переписываетъ канцелярскія бумаги. Вдругъ бѣшено забѣгаетъ къ намъ семинарскій фельдшеръ (по тогдашнему подлѣкарь) В. А. Рукинъ и говоритъ: „что вы тутъ сидите? Вѣдь инспектора чуть не убили!..."—„Сумасшедшій! Что ты врешь!" отвѣчаемъ ему.—„Говори толкомъ". И Рукинъ разсказалъ намъ слѣдующее.—„Нѣтъ еще и часу, какъ вбѣжалъ къ намъ въ больницу келейникъ инспектора испуганный и сказалъ:—идите скорѣе къ намъ,—

инспектора чуть не убили".—Кто? какъ? Быть не можетъ, отвѣчали мы. Но онъ повернулся и убѣжалъ.—„Прихожу я къ инспектору, смотрю, сидитъ и плачетъ, а лицо и голова въ крови. Позвольте, говорю, я васъ обмою, осмотрю рану и перевяжу; вѣроятно ничего опаснаго нѣтъ. Не троньте меня, сказалъ инспекторъ, а позовите о. ректора, да скорѣе поѣзжайте за докторомъ.—„Да позвольте узнать, какъ это случилось? Вѣдь меня объ этомъ спросятъ".—„А вотъ я сидѣлъ противъ окна у письменнаго стола за книгой, и въ меня съ улицы кто то бросилъ камень, попавшій мнѣ въ голову.—Видите, стекла пробиты въ обѣихъ рамахъ, а камень лежитъ на столѣ". Камень былъ не меньше 3 фунтовъ и не больше по видимому 5.— Я къ о. ректору.—„Не пойду я къ нему", сказалъ ректоръ, распросивъ меня.—„Это не больше, какъ царапина; поѣзжай впрочемъ къ доктору. Я туда. Докторъ оказался дома. Я доложилъ доктору, что кто-то съ улицы бросилъ въ инспектора камнемъ, угадалъ ему въ голову и окровянилъ его. Семинарскимъ докторомъ былъ тогда Михаилъ Петровичъ Максимовичъ, знатокъ своего дѣла, но хохолъ горячій и ни съ чѣмъ не считавшійся, при своей неудержимой экспансивности. - „Сейчасъ ѣду", отвѣчалъ докторъ и сейчасъ же добавилъ: „Гм... бросили камнемъ, а почему не пулей"? - Вотъ поли я толкуй съ нашимъ докторомъ", заключилъ свой разсказъ фельдшеръ и пошелъ къ инспектору. Оказался дѣйствительно только ушибъ, съ пораненіемъ наружныхъ покрововъ. Виновника искали, но не нашли. Но скверный фактъ остался фактомъ. Скоро потомъ перевели отца Григорія въ Виѳанскую семинарію, оттуда и уволили совершенно отъ духовно училищной службы, съ возведеніемъ въ свое имя въ санъ игумена и архимандрита и съ опредѣленіемъ на должность одного изъ Московскихъ монастырей, гдѣ онъ не такъ давно и умеръ. Въ послѣдніе годы о. Григорій печаталъ въ Душеполезномъ Чтеніи резолюціи своего великаго благодѣтеля Высопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Филарета.— И эта работа была покойному о. архимандриту и по душѣ и по плечу, уже безъ всякаго сомнѣнія. О преподаваніи его въ семинаріи я, какъ не его ученикъ, говорить ничего не могу, а какъ инспекторъ, напуганный притомъ дерзкимъ на него покушеніемъ, онъ уже не имѣлъ въ Вологдѣ никакого значенія. Не буду говорить я о методахъ и качествахъ всѣхъ тѣхъ преподавателей семинаріи, у которыхъ не учился. Всѣ они трудились

честно и преподавали,—каждый свою науку,—какъ умѣли и какъ могли, по тогдашнему времени, при полномъ отсутствіи учебныхъ руководствъ и пособій. Желающіе учиться, могли учиться и у нихъ и оказывали приличные успѣхи во всѣхъ наукахъ. Не обширны были наши познанія, плохо знали мы математику, мало смыслили въ наукахъ естественныхъ, не сильны въ литературѣ, но мыслить мы могли и писать умѣли, не будучи краснобаями. Одного очень жаль, что не учили насъ проповѣди живымъ словомъ, а мучили на гомилетикѣ рукописной. Выйдя во священники, годовъ 10 я мучился со своими проповѣдями, составлявшимися по правиламъ гомилетики. Въ семинаріи поставили бы мнѣ за иную проповѣдь несомнѣнно 5, а сказавъ ее въ церкви моимъ прихожанкамъ и прихожанамъ въ деревнѣ, я видѣлъ, что онѣ ставятъ только 2 или 1.— Какъ такъ? Да такъ.—Вѣдь я вижу, что онѣ, слушая мою проповѣдь, только глазами хлопаютъ, а потомъ, слышу, и говорятъ: —„батюшка-то бѣдный ужъ учитъ насъ, учитъ этими проповѣдями, хорошо таково, и сладко говоритъ, да мы вотъ,—поди—ты,—темные люди, ничего не понимаемъ“. . Вотъ такъ проповѣдникъ, думаю себѣ, хорошо таково говоритъ, да люди не понимаютъ!... И заставили меня нужда и жизнь переучиваться. Но въ такихъ недочетахъ пастырскаго преподаванія и преподаванія вообще виновато время и общее состояніе умовъ, за малыми исключеніями, предшествующихъ поколѣній, а не семинарскіе только преподаватели. Они и сами такъ писали, и такъ говорили, потому что такъ учены были. Спустя 50 лѣтъ легко обвинять людей далекаго прошлаго въ тѣхъ, или другихъ недочетахъ съ современной точки зрѣнія, но справедливо-ли? Я близко зналъ весь составъ семинарскихъ преподавателей своего времени, зналъ, какіе это вообще были хорошіе люди, готовые дѣлать и дѣлавшіе для своихъ учениковъ все, что могли, по духу времени, почему и признаю ихъ труды почтенными и ни отъ кого и никакихъ огульныхъ упрековъ не заслуживающими. Вѣчная имъ память и поклонъ до сырой земли!

Въ бытность ректоромъ Вологодской духовной семинаріи, во время моего въ ней обученія, было здѣсь два важныхъ событія, изъ нихъ одно особенно замѣчательное. Это посѣщеніе города Вологды въ іюнѣ 1858 года Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ. А другое событіе хотя и важное, но частное, относящееся

только къ семинаріи. Это ея ревизія, которую производилъ о. ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Сергій Лянидевскій, впослѣдствіи Митрополитъ Московскій. Не помню, въ которомъ году была эта ревизія, но знаю, что она была пріурочена къ іюльскимъ экзаменамъ. Не знаю также, какъ обревизована была хозяйственная и воспитательная часть по семинаріи, но учебная просто. О. ревизоръ производилъ всѣ экзамены самъ, въ присутствіи членовъ правленія и при участіи того изъ преподавателей, по предмету котораго шелъ экзаменъ; экзаменовали по билетамъ, вызывая по три ученика, и спрашивали не по всѣмъ, а только по двумъ или тремъ предметамъ. Учителя и ученики, разумѣется, подтянулись и содѣйствовали одни другимъ во всемъ, сколько было возможно. Экзамены такимъ образомъ прошли благополучно. Успѣхи учениковъ найдены были удовлетворительными и г.г. наставники, повидимому, были признаны способными и благонадежными. Ни по воспитательной, ни по экономической части, послѣ ревизіи, никакихъ перемѣнъ не послѣдовало. Значитъ и эти стороны семинарской жизни найдены удовлетворительными. Послѣ іюльскихъ экзаменовъ въ наше время всегда бывали еще такъ называемые „публичные экзамены"; произведены они были и при о. ревизорѣ. По каждому предмету избирались наставниками 1 или 2 ученика изъ числа, лучшихъ, и въ тоже время избирались особенно интересные отдѣлы по каждому предмету, которые и должны были избранники изучить тщательно. За тѣмъ вслѣдъ за окончаніемъ обычныхъ экзаменовъ, назначался и публичный экзаменъ, на который приглашались, кромѣ архіерея и губернатора, всѣ любители просвѣщенія, изъ лицъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ. Интересно то, что приглашеннымъ на публичный экзаменъ лицамъ предоставлялось право ставить испытуемымъ воспитанникамъ всякія возраженія. Предсѣдательствовалъ епископъ. И вотъ когда, по примѣру предсѣдателя, станутъ раздаваться и со стороны посѣтителей дѣльныя возраженія, тогда для умныхъ учениковъ и высоко, въ курсѣ своей науки, стоящихъ преподавателей представлялся случай блеснуть умомъ, или познаніями. Какъ, бывало, вмѣстѣ съ профессоромъ предусматриваешь всѣ возможныя возраженія и не предусмотришь. Въ наше время интереснымъ считался психологическій вопросъ объ органахъ душевной жизни въ человѣкѣ (о сѣдалищѣ души). Этотъ отдѣлъ и приготовили мы по психологіи къ публичному экзамену, прослушавъ тщательно раз-

боръ различныхъ теорій со стороны профессора; приготовились и успокоились. Наступилъ экзаменъ. Публики много. Преподаватели всѣ. Отвѣты учениковъ конечно ясны, точны и удовлетворительны. Такъ дошло дѣло и до психологіи. Спрошенъ былъ, кажется, Я. А. Соколовъ. Онъ взялъ билетъ, объявилъ содержаніе и сталъ спокойно и основательно излагать взгляды и рѣшенія науки. Протогенъ Вонифатьевичъ (это былъ его предметъ) ставитъ вопросы и одобряетъ рѣшенія ихъ со стороны отвѣчающаго воспитанника. И когда утверждено было положеніе, что мозговая система, точнѣе, головной мозгъ есть органъ душевной дѣятельности, слѣдовательно и жизни души въ человѣкѣ, Преосвященный Христофоръ,—онъ же и предсѣдатель,—раскрываетъ Библію и читаетъ какой-то стихъ изъ книгъ Моисея, откуда видно, что кровь даетъ жизнь человѣку, или что-то въ этомъ родѣ.—„А если такъ", говоритъ затѣмъ Преосвященный, „причемъ же останется ваша наука, съ мозгомъ?—Въ самомъ дѣлѣ выпустите кровь изъ человѣка и онъ умретъ,—душа значитъ живетъ въ крови, а не въ мозгу", заключилъ Владыка. Какъ ни хотѣлось намъ, чтобы нашъ профессоръ повелъ рѣчь съ Преосвященнымъ на эту тему, но онъ только улыбнулся и.. ни слова больше. Тутъ, кажется, со стороны Преосвященнаго была допущена нѣкоторая передержка. По психологіи рѣчь шла объ органахъ душевной дѣятельности въ человѣкѣ, а Владыка заговорилъ о жизненномъ началѣ организмовъ и утѣшался опроверженіемъ научной теоріи. По этой причинѣ, думаю, и не нашелъ удобнымъ настоять на научномъ рѣшеніи вопроса передъ предсѣдательствующимъ начальникомъ нашъ уважаемый профессоръ, хотя мнѣ и не удалось переговорить съ нимъ потомъ по этому вопросу. Читались на этихъ экзаменахъ и лучшія сочиненія лучшихъ воспитанниковъ по тому, или другому предмету. У меня сохранилось сочиненіе Ивана Александровича Кратирова *) на тему: *„Завистію діаволею грѣхъ вниде въ міръ"*, читанное имъ, при окончаніи семинарскаго образованія, на публичномъ экзаменѣ въ 1860 году и подаренное мнѣ на память. Вспоминали наши почтенные преподаватели времена святительствованія въ Вологдѣ знаменитаго Епископа Иннокентія Борисова и публичны-

*) Ив. Ал—чъ Кратировъ, по окончаніи курса въ Московской духовн. академіи въ 1864 г. со степенью магистра, впослѣдствіи былъ ректоромъ Харьковской семинаріи и редакторомъ журнала „Вѣра и разумъ", ректоромъ Петербургской академіи, Епископомъ Саратовскимъ и умеръ на покоѣ въ Москвѣ.

экзамены при немъ въ семинаріи. Это были самые оживленные дебаты, въ которыхъ спрошенный ученикъ давалъ только тему для нихъ. А Владыка ставилъ вопросы, которые не всегда по плечу приходились и учителямъ. И тогда онъ начиналъ самъ, освѣщая вопросъ со всѣхъ сторонъ, рѣшать ихъ замѣчательно обоснованно, мѣтко, порою и остроумно. А рѣчь такъ и лилась изъ устъ его неудержимымъ потокомъ и несокрушимою эрудиціей. Въ наше время не много раздавалось возраженій со стороны предсѣдателя и публики, но всё же онѣ были, хотя и легонькія, и эти экзамены проходили оживленно, и намъ нравились. Но вотъ они кончились. Закончилась ревизія и учебный годъ, вмѣстѣ съ нею. Ученики разъѣхались по домамъ. Уѣхали на каникулы и двое изъ письмоводителей, а я, въ числѣ троихъ, оставленъ былъ въ Вологдѣ, для занятій въ канцеляріи по текущимъ дѣламъ. Наши семинарскіе ветераны, вслѣдствіе-ли ревизіи, или уже по своему усмотрѣнію, стали мало по малу оставлять семинарскую службу. Такъ ушли изъ семинаріи въ слѣдующемъ учебномъ году о. инспекторъ архим. Діонисій, учителя Александръ Владиміровичъ Вячеславовъ (по прозванію баринъ), Екатерининскій священникъ Фавстъ Александровичъ Ржаницынъ, Иванъ Александровичъ Снятковъ, а въ слѣдъ за ними переведенъ былъ куда-то и о. ректоръ архим. Ювеналій, уѣхавшій изъ Вологды въ 1860 году какъ-то такъ тихо и скромно, что въ моей памяти ничего не сохранилось такого, относительно проводовъ его, что заслуживало бы вниманія. Въ послѣднее время, т. е. въ 1859 и 1860 годахъ онъ сталъ какъ-то замѣтно нравственно измѣняться, становясь все болѣе и болѣе апатичнымъ и равнодушнымъ. Удивляло насъ и то, что онъ, когда-то строгій монахъ, ревнитель церковныхъ порядковъ, устава и дисциплины, въ послѣднее время читалъ, лѣтней порою, въ праздничные и воскресные дни, при хорошей погодѣ передлитургійное правило не дома, не у себя въ кабинетѣ, а гуляя въ саду по аллеямъ. Ходитъ, читаетъ и крестится, какъ видѣли его тогда мы изъ оконъ канцеляріи. На какой-то почвѣ, незнаю, у него возникли недоразумѣнія даже съ Преосвященнымъ Христофоромъ, относившимся раньше къ нему всегда хорошо. И эти недоразумѣнія, повидимому, были такъ серьезны, что Преосвященный Христофоръ осенью 1860 года рѣшился произвести лично внезапную ревизію семинаріи, при чемъ и я чуть не нарвался на бѣду. Это было вечеромъ 26 сентября 1860 года, въ день се-

минарскаго праздника. Засидѣвшись на квартирѣ у товарищей, я пришелъ въ канцелярію, когда мои товарищи уже поужинали. Пошелъ я темнымъ и тѣснымъ корридоромъ стараго корпуса изъ канцеляріи на кухню ужинать одинъ. Смотрю, на встрѣчу идетъ какой-то монахъ, съ маленькимъ фонарикомъ. Вообразивъ, что это нашъ экономъ, я еще издали закричалъ ему: „ну что это вы!—Далеко-ли! А въ шубѣ и съ фонаремъ!.. Удивительно!..“. А Сашка, келейникъ архіерея, высунулъ голову изъ за плеча архіерея и грозитъ мнѣ кулакомъ. Замѣтивъ, что въ очень тѣсномъ корридорѣ, съ дикимъ и громкимъ крикомъ, иду прямо навстрѣчу архіерею, я ужаснулся. Что было дѣлать?.. Быстро обернувшись, я помчался назадъ, но не въ канцелярію, а въ залу, оттуда въ бурсу, изъ нея на дворъ, а со двора по среднему подъѣзду поднялся въ свой корридоръ и, незамѣтно войдя въ канцелярію, сталъ писать, какъ ни въ чемъ не бывало, какую-то бумагу. Преосвященный сидѣлъ уже въ присутственной комнатѣ правленія и отдавалъ распоряженія о томъ, чтобы немедленно вызвать всѣхъ членовъ правленія и отъискать попавшаго ему на встрѣчу въ корридорѣ „крикуна—юношу“. Изъ членовъ явился только одинъ инспекторъ іеромонахъ Григорій, да секретарь правленія Павла Михайловича не оказалось дома. А объ о. ректорѣ сказали, что уѣхалъ въ Прилуцкій монастырь за 5 верстъ отъ Вологды и въ семинарію сегодня не будетъ. Такъ и не состоялась ревизія, и юноша—крикунъ не былъ найденъ о. инспекторомъ. Трудно понять, на чемъ подловить въ данномъ случаѣ хотѣлъ Преосвященный о. ректора. Деньги хранились въ казначействѣ, отсюда ящика вечеромъ достать было нельзя, а приходорасходныя книги, всегда впрочемъ исправныя, безъ провѣрки суммъ, что могли дать ревизору? Можетъ быть онъ хотѣлъ лично провѣрить поведеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ вечеромъ праздничнаго дня? Тогда почему не пойти бы ему по комнатамъ ихъ съ о. инспекторомъ и его помощникомъ Флавіемъ Васильевичемъ Скабовскимъ? Но онъ этого не сдѣлалъ и уѣхалъ домой, принятый семинаріей, какъ гость хотя и дорогой, но не жданный, не гаданный, холодно и непривѣтливо. Сколько было извѣстно, о. ректоръ не ѣздилъ къ Преосвященному и извиняться. Говорили даже злые языки, что о. ректоръ былъ въ семинаріи и велѣлъ только сказать, что уѣхалъ въ Прилуки. И уроками по догматикѣ осенью 1860 г. о. ректоръ Ювеналій почти не занимался, поручивъ свой пред-

метъ Павлу Михайловичу Добрякову, и за ходомъ семинарской жизни пересталъ слѣдить. Для насъ все это было непонятно, но самъ онъ вѣроятно уже былъ извѣщенъ, что его перемѣщеніе, а можетъ быть и увольненіе отъ духовно-учебной службы—дѣло уже рѣшенное.

Изъ Устюга.

1910 года 30 января въ Устюжскомъ Іоанно-Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ было скромное торжество. По случаю престольнаго праздника трехъ Вселенскихъ Святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и исполнившагося 10-лѣтія въ сей день возведенія въ санъ игуменіи настоятельницы монастыря монахини Паисіи, Божественную Литургію совершалъ Преосвященнѣйшій Алексій, Епископъ Великоустюжскій, въ сослуженіи мѣстнаго причта. Послѣ литургіи и праздничнаго молебна, въ келліяхъ настоятельницы была поднесена сестрами монастыря глубокочтимой своей игуменіи Паисіи, св. икона Боголюбской Божіей Матери, при чемъ монахинею Антониною былъ прочтенъ отъ лица всѣхъ сестеръ слѣдующій адресъ: „Дорогая матушка Игуменія! Сегодня исполнилось ровно десять лѣтъ, какъ вы получили санъ Игуменіи и настоятельницы нашей святой обители. Съ помощію свыше, вы благопопечительно и мудро управляете обителью, являя собою примѣръ иноческаго житія: кротости и воздержанія, терпѣнія, любви и смиренія. Въ чувствѣ глубокаго уваженія и неизмѣнной преданности, мы, смиренныя инокини, приносимъ вамъ сердечное поздравленіе съ симъ знаменательнымъ днемъ въ вашей жизни и въ знакъ нашей благодарной любви къ вамъ просимъ принять сей св. образъ Царицы Небесной, именуемый „Боголюбскимъ“ съ соименными вамъ святыми Преподобными Паисіемъ и Пелагіей*). Искреннее наше желаніе и молитва къ Богу:—предстательствомъ и молитвами Царицы небесной, преподобныхъ—Паисія и Пелагіи и Небеснаго покровителя и хранителя нашей обители—Крестителя Господня Іоанна да продлитъ Господь Богъ дорогую жизнь вашу, вмѣстѣ съ сотрудницей вашей матушкой казначеей, на благо св. обители, на радость и утѣшеніе всѣмъ сестрамъ, на многія, многія лѣта!“

---

*) Икона очень искусно сооружена сестрами обители на золотомъ чеканномъ фонѣ.

Затѣмъ привѣтствовалъ м. Игуменію Его Преосвященство рѣчью, въ коей выразилъ доброе пожеланіе и радость о томъ, что между сестрами и настоятельницею существуетъ такая любовь христіанская, которая не должна оканчиваться здѣсь на землѣ, но должна простираться и за предѣлы жизни.

Во время предложенной всѣмъ присутствующимъ скромной трапезы, съ архипастырскаго благословенія, мѣстнымъ священникомъ А. Чижевымъ была сказана настоятельницѣ здравица:

„Вселюбезнѣйшая и высокочтимая матушка Игуменія! Привѣтствую васъ съ симъ знаменательнымъ днемъ въ вашей жизни—десятилѣтія возведенія васъ въ санъ Игуменіи, сопутствуемаго вашимъ мудрымъ и многополезнымъ управленіемъ обителію. Сестры ваши почтили васъ въ сей день поднесеніемъ образа Матери Божіей Поднося образъ Божіей Матери, именно „Боголюбскій", думается мнѣ, онѣ желали тѣмъ, такъ сказать, указать или оттѣнить и ваше Боголюбіе. Это ваше Боголюбіе прежде всего выразилось въ томъ, что вы всѣ силы и труды и всю свою жизнь посвятили на служеніе Богу въ сей св. обители. Это Боголюбіе ваше съ очевидностію для всякаго проявилось въ начатомъ вами и успѣшно продолжающемся построеніи новаго храма въ обители, дабы не только сестры, но и всякій вѣрующій могъ возносить въ немъ свои молитвы и изливать свою душу предъ Господомъ *неутѣснительно*. Ваше Боголюбіе выразилось въ любви къ ближнему, по слову Апостола Іоанна Богослова: любяй Бога любитъ и брата своего (1 Іоан. 4. 21). Ваша любовь достигла сестеръ обители—построеніемъ для нихъ хорошихъ келлій, дабы онѣ могли совершать свое келейное правило *неопустительно*. Ваша любовь достигла и пребывающихъ въ трудѣ и послушаніи, построеніемъ для ихъ общихъ трудовъ удобныхъ помѣщеній (какъ-то: золотошвейной и ризной, живописной и позолотной, столярной и токарной, красильной, сапожной и хлѣбопекарной),—дабы онѣ усерднымъ трудомъ на пользу обители *содѣвали свое спасеніе*. Любовь ваша достигла и въ немощи и болѣзни сущихъ, построеніемъ для нихъ хорошей больницы, дабы, обрѣтая удобный покой болѣзнями отягченному тѣлу, онѣ стремились къ покою вѣчному на небесахъ. Ваша любовь достигла и престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду,—положеніемъ основанія для богадѣльни, дабы, не имѣя заботъ о насущномъ хлѣбѣ, онѣ имѣли попеченіе о хлѣбѣ небесномъ. Ваша любовь достигла и юныхъ отроковицъ, и непринадлежащихъ

къ вашей дружинѣ, въ лицѣ учениць Епархіальнаго училища,*) доставленіемъ имъ уютнаго крова въ обители, дабы, преуспѣвая въ наукахъ, онѣ возрастали на утѣшеніе родителямъ, церкви и отечеству на пользу. Ваша любовь достигла и дѣтей-малолѣтокъ обездоленныхъ и брошенныхъ на произволъ судьбы, которыхъ не мало **) воспитывается въ обители, дабы преуспѣвая въ премудрости, онѣ приходили въ мѣру полнаго возраста Хрістова. Любовію вашею не обойдены и мы, служители алтаря Господня въ обители: Вы строите въ жилище намъ домъ, дабы, отложивъ житейское попеченіе, съ великою ревностію заботились мы лишь о томъ, како подобаетъ строити домъ Божій и како подобаетъ ходити въ дому Господнемъ.

Въ дѣлѣ проявленія такой великой любви и благодаренія св. обители усердною помощницею вашею является матушка казначея-Аркадія, одновременною съ вами поставленная на сію должность и десять лѣтъ тому назадъ въ сегодняшній день пріявшая иноческое постриженіе, которая въ полномъ единеніи съ вами, съ самоотверженіемъ, усердіемъ и ревностію раздѣляетъ труды ваши и съ точностію выполняетъ всѣ благія ваши начинанія.

Сестры обители, видя взаимное ваше единеніе въ дѣлахъ любви и благоустроенія обители, прониклись къ вамъ любовію, видимымъ знакомъ коей служитъ сегодняшнее ихъ подношеніе.

Мы же, священнослужители управляемой вами обители, не только въ чувствѣ долга, но и въ чувствѣ благодарности и радованія о вашей любви, будемъ продолжать свою искреннюю и усердную молитву ко Господу, да Онъ, Милосердый, пошлетъ св. обители вашей благодать Свою и милость, а вамъ матушка Игуменія купно съ матушкой казначеей и всѣми сестрами даруетъ здравіе и благополучіе на многія, многія лѣта!"

Стройно и дружно всѣми присутствовавшими было пропѣто троекратно: „многая лѣта!"

Старѣйшій священнослужитель обители досточтимѣйшій о. протоіерей Александръ Авессаломовъ изложилъ привѣтствіе матушкѣ игуменіи Паисіи на сей день въ стихотворной формѣ.— Вотъ оно:

Подъ вашимъ матушка, правленьемъ
И неусыпнымъ попеченьемъ,

---

*) Ежегодно въ обители проживаетъ отъ 20 до 30 воспит. Епарх. училища.

**) Такихъ дѣтей въ настоящее время воспитывается 11 чел.

Проживши мирно десять лѣтъ,
Приносимъ искренній привѣтъ.
При мудромъ къ слабымъ снисхожденьи,
Ко всѣмъ сестрамъ расположеньи,
Гораздо легче намъ здѣсь жить,
Усердно Господу служить,
Съ вашего соизволенья,
Для благолѣпнаго служенья,
Въ монастырѣ хорошій хоръ
Составленъ изъ своихъ сестеръ.
Бываютъ въ жизни искушенья,
Различныя у сестръ лишенья,
Тогда твое участіе
Хранитъ ихъ отъ несчастія.
А что всего любезнѣе,
Гораздо всѣмъ полезнѣе,
То—благочестію и вѣрѣ
Ты учишь насъ своимъ примѣромъ.
Твоими мы заботами,
Полезными работами,
Свободно можемъ заниматься,
И мирно жизнью наслаждаться.
Всѣ роды рукодѣлія
Имѣютъ свои келліи,
При томъ не заурядныя,
А подлинно парадныя.
Возьмите живописную,
Просторную и чистую,
Не только-бъ рукодѣльною,
Могла быть и молельною.
Спуститесь въ златошвейную,
И въ комнаты келейныя;
Во всѣхъ ихъ сухо и тепло,
При томъ достаточно свѣтло.
Теперь пойдемъ въ красильныя,
Заводы хоть не сильныя,
Но что угодно выкрасятъ,
И много съ васъ не выпросятъ.
По этому крестьяночки,
А также горожаночки,

Охотно, безъ заботы,
Всегда даютъ работы.
Построенъ домъ и для столярни;
Дано мѣстечко чеботарнѣ;
Поставлена въ саду больница,
Гдѣ могутъ жить больныя лица.
Для жительства духовниковъ,
Монастыря священниковъ,
Ужъ продолжается постройка,
И домъ растетъ довольно бойко.
Но вотъ укажемъ, наконецъ,
Всѣхъ предпріятій на вѣнецъ,
Честной Игуменьи Паисіи,
Какъ члена главнаго коммиссіи,
По постройкѣ храма Божія,
Она вѣдь ей умножила
Трудовъ, хлопотъ, заботъ, скорбей...
Дай, Боже, силу только ей
Съ терпѣньемъ все перенести,
Святое дѣло довести,
До совершеннаго конца,
Сподобь и райскаго вѣнца!
А нынѣ, за все это,
Подай ей,—многа лѣта!

Священникъ *Алексій Чижев.*

Земледѣліе въ быту духовенства.

Однимъ изъ привычныхъ, любимыхъ и безгрѣшныхъ занятій нашего сельскаго, а отчасти и городского духовенства, служитъ ззмледѣліе. Какъ извѣстно, оно имѣетъ два вида: полеводство и огородничество. Городское духовенство, какъ болѣе обезпеченное, болѣе занятое посторонними, сродными пастырству, занятіями (напр. законоучительствомъ), а, главное, не имѣющее тѣсной нравственной связи съ своими пригородными прихожанами-крестьянами, если и имѣетъ церковно-причтовой полевой надѣлъ, то въ очень рѣдкихъ случаяхъ занимается на самостоятельныхъ началахъ полеводствомъ, т. е. траво-и хлѣбосѣяніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ городскіе священнослужители свою надѣльную часть отдаютъ больше всего въ обработку крестьянамъ „изъ-полу“, т. е. принимаютъ участіе только въ наблюденіи надъ

предварительными работами предъ посѣвомъ и въ дѣлежѣ полученнаго зерна пополамъ. Впрочемъ, чаще можно замѣтить, что городское духовенство склонно заниматься не только полеводствомъ, которое связано съ большими хлопотами и заботами и требуетъ практическаго навыка, сколько разведеніемъ садовъ и огородовъ на собственныхъ или церковныхъ усадьбахъ, что уже не есть въ собственномъ смыслѣ земледѣліе и требуетъ иныхъ знаній и иного опыта, чѣмъ земледѣліе полевое.

Земледѣліе въ смыслѣ полеводства есть обычное занятіе преимущественно сельскаго духовенства. Здѣсь оно играетъ роль, какъ важное подспорье къ матеріальному обезпеченію, получаемому отъ прихода во 1-хъ, и во 2-хъ, какъ средство нравственнаго и культурнаго воздѣйствія на сельскую паству, въ смыслѣ сближенія съ нею на почвѣ общихъ жизненныхъ интересовъ.

При этомъ естественно возникаетъ вопросъ: на сколько же совмѣстимо съ званіемъ пастыря и его духовнымъ служеніемъ паствѣ это частное занятіе такимъ узко-житейскимъ дѣломъ, какъ земледѣліе вообще, не умаляетъ-ли оно его духовнаго авторитета, какъ говорятъ люди завидующіе со стороны духовенству, и при какихъ условіяхъ занятіе земледѣліемъ пастыря можетъ быть нравственно-культурнымъ дѣломъ для самаго пастыря и для его паствы?

Нынѣ въ печати не рѣдкость слышать обвиненіе нашего духовенства въ томъ, что оно, имѣя землю, не само обработываетъ ее, какъ бы слѣдовало, а отдаетъ ее, говорятъ, тѣмъ же сельчанамъ за высокую плату и слѣдовательно является для послѣднихъ въ родѣ тѣхъ же эксплоататоровъ скупщиковъ земли, которые искусственно повышаютъ цѣну за аренду и съ которыми-де государство принуждено бороться изданіемъ ограничительныхъ законовъ въ пользу крестьянъ. Такимъ образомъ вопросъ о земледѣліи нашего духовенства ставится уже самимъ временемъ въ иной обстановкѣ, а именно: имѣетъ-ли духовенство нравственное право продавать свою землю въ арендный срокъ, если почему-либо не можетъ обработывать ее своими руками; а если оно увеличиваетъ цѣнность получаемую съ нея своими трудами, то правы-ли нападки завистниковъ духвенства, мечтающихъ сдѣлать отчужденіе церковной земли въ пользу сельчанъ, которые-де фактически являются хозяевами ея, хотя всѣ выгоды отъ нея достаются на долю духовенства, какъ арендодателя?

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что при первоначальномъ надѣле-

ніи церквей опредѣленными участками земли имѣлось въ виду достигнуть двухъ цѣлей: во 1-хъ повысить ею матеріальное довольствіе отъ прихода, не всегда достаточное для содержанія духовенства, а во 2-хъ, и это главное, — сдѣлать наше земледѣльческое духовенство своего рода нравственно-культурнымъ разсадникомъ сельско-хозяйственныхъ знаній для деревни, для которой недоступны еще „показательныя“ и опытныя поля по послѣднему слову агрономической науки, недоступны и сельско-хозяйственныя выставки, устроемыя по почину правительства или земства. Что духовенство и безъ предписаній поняло вѣрно свою культурную историческую миссію для деревни и по мѣрѣ силъ выполнило и продолжаетъ выполнять ее, видно изъ того факта, что въ большинствѣ своемъ оно занимается полеводствомъ и не только на своихъ участкахъ, но и на арендованныхъ и, слѣдовательно, принуждено ставить земледѣльческое дѣло образцово, безубыточно и по послѣднему слову сельско-хозяйственной практики. Что нѣкоторая незначительная часть духовенства принуждена бываетъ волею или неволею сдавать свою землю сельчанамъ на правахъ аренды, напр. въ случаѣ отсутствія или дороговизны рабочихъ рукъ, острой нужды въ деньгахъ и проч., — это еще не кладетъ пятна на все духовенство, будто бы эксплоатирующаго малоземельность крестьянъ; ибо здѣсь бываетъ сдѣлка по совѣсти, получается только часть аренды, а окончательный разсчетъ часто переносится къ концу лѣта, когда выяснится урожай, а если послѣдняго не бываетъ, то крестьяне арендаторы просятъ сбавить часть арендной платы и проч.

Кто имѣлъ возможность близко присматриваться къ сельскому быту, тотъ не могъ не замѣтить того постояннаго явленія, что крестьяне, какъ бы ни высоко они думали о своихъ земледѣльческихъ знаніяхъ, все-таки зорко присматриваются къ тѣмъ „новшествамъ“ въ земледѣліи, которыя видятъ на полѣ у своего духовенства и если видятъ добрые плоды этихъ новшествъ, то не задумываясь начинаютъ примѣнять ихъ на своихъ поляхъ. Такъ постепенно введены въ сельско-хозяйственномъ быту молотилки, сѣялки, одноконные плужки, оборотное травосѣяніе, культура масличныхъ сѣмянъ и пр. Духовенство со своими небольшими полевыми надѣлами, почти равными надѣлу каждаго крестьянина (напр. въ долѣ псаломщика), дѣйствительно является въ деревнѣ какъ образецъ лучшаго, выгоднаго хозяйничанія при равныхъ условіяхъ со всѣми сельчанами. Въ этомъ

случаѣ крестьяне далеки отъ подражанія въ сел.-хозяйственной культурѣ помѣщикамъ, на земляхъ которыхъ часто работаютъ; ибо условія земледѣлія тутъ несравненно лучшія, при обиліи земли и денежныхъ средствахъ, благодаря чему и результаты земледѣлія несравненно большія. Отсюда, земледѣльческое занятіе духовенства не есть только своего рода вольный „промыселъ“ ради мнимыхъ матеріальныхъ выгодъ, ибо онъ часто даетъ и минусы въ занятіи имъ, а есть *своего рода нравственно-культурное служеніе духовенства* деревнѣ, почти безпомощной въ этомъ случаѣ со стороны; а если такъ, то оно идейно само по себѣ заслуживаетъ одобренія и поощренія, а главное, нравственные результаты его явственны на духовенствѣ столько-же, сколько и на сельчанахъ, ради которыхъ оно и совершается. Что общій житейскій трудъ нравственно сближаетъ людей разнаго общественнаго положенія если происходитъ при одинаковыхъ почти условіяхъ,—это безспорная истина. Тяжелый трудъ надъ кормилицею землею, заботы о благопріятныхъ условіяхъ урожая, общія надежды и бѣды, общія молитвы, прошенія и благодаренія о землѣ,—все это нравственныя точки соприкосновенія пастыря и паствы, души которыхъ въ эти моменты однородны по настроенію до тожественности и безразличія, такъ сказать, до нравственнаго взаимо-погруженія Можетъ ли быть назидательно для земледѣльца-крестьянина, на оборотъ, такое явленіе, что онъ, отправляясь на страду въ свое родное поле, или на арендованное поле того же пастыря, встрѣчаетъ послѣдняго у его дома съ книгою или газетой въ рукахъ, каковое занятіе, какъ бы ни было важно и серьезно самъ по себѣ, въ глазахъ крестьянина-особенно въ страдную пору полевыхъ трудовъ, представляется часто бездѣльнымъ, во всякомъ случаѣ не имѣющимъ практически полезнаго значенія въ деревнѣ. Замѣчательно, что сами крестьяне болѣе высоко уважаютъ тѣхъ изъ членовъ своего духовенства, которые не чуждаются ихъ тяжелыхъ трудовъ по земледѣлію, хотя-бы и наемными руками; они не видятъ въ нихъ промышленниковъ изъ-за низкой корысти, но радуются и хвалятся предъ сосѣдями ихъ успѣхами въ выгодахъ земледѣлія, какъ своими собственными. Наоборотъ, тѣ отцы духовные, которые изъ-за робости ли предъ матеріальнымъ рискомъ, или отъ неумѣнья и непривычки къ земледѣлію, или отъ ложнаго стыда спуститься до своего прихожанина въ его „черномъ“ занятіи, избѣгаютъ земледѣлія, какъ будто бы несовмѣстимаго дѣла съ пастырствомъ,

нравственно далеко стоятъ отъ своихъ прихожанъ, какъ своего рода бѣлоручки и, пожалуй, „баре“ въ духовной одеждѣ. Приходилось наблюдать, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ выслушиваютъ сельчане церковное поученіе, какъ нибудь касающееся ихъ нелегкаго труда-земледѣлія; тутъ они буквально ловятъ каждое слово, потомъ цитуютъ его на дому, или спрашиваютъ разъясненія мало понятаго. Но если подобное поученіе произноситъ пастырь не земледѣлецъ, то какая злая иронія въ устахъ его хвалить трудъ земледѣльца, который чуждъ ему самому, и не окажется ли такое самое краснорѣчивое слово „мѣдью звенящею“ для крестьянина и самообличеніемъ для самого проповѣдника? Несомнѣнно, кажется, что земледѣліе нашего духовенства съ нравственно-культурной стороны есть то же пастырство и душепопеченіе, являемое не словомъ только, но самымъ дѣломъ. Тѣмъ-же, кто со стороны считаетъ стыдомъ для нашего духовенства заниматься практически-необходимымъ дѣломъ въ селѣ, каково земледѣліе, можно привести древнее изреченіе мудреца практика: „есть стыдъ, ведущій ко грѣху, и есть стыдъ-слава и благодать,... не всякую стыдливость хорошо соблюдать, и не все всѣми одобряется по истинѣ! (Сир. IV, 25, XLI, 20).

Священникъ *А. Совѣтовъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Товарищество Н. Л. ШУСТОВЪ съ С-ми извѣщаетъ:

что складъ въ г. Вологдѣ, нашего натуральнаго Церковнаго вина, извѣстнаго своимъ высокимъ качествомъ, и представительство на продажу только въ Виноторговлѣ **Т-го Д-ма И. А. Первушина С-вей прот. Александр. сада, въ домѣ Свѣшникова**

Прейсъ-Курантъ.

№ 51	за 1/4	ведра	2 р.	50 к.
„ 54	„ „	—	3 „	— „
„ 55	„ „	—	3 „	50 „
„ 56	„ „	—	4 „	— „
„ 57	„ „	—	5 „	— „

Покупающимъ ящиками или не менѣе ведра скидка.

Требовать разливъ фирмы въ 1/4 бутыляхъ, за которыя взимается по 25 к. за штуку и принимается обратно по той-же цѣнѣ, упаковка, кромѣ войлоковъ въ зимнее время, безплатно.

ВНОВЬ ОТКРЫТА ВЪ ВОЛОГДѢ

мастерская духовнаго платья

Н. А. МУШНИКОВА.

Принимаю заказы: на рясы, подрясники и проч. духовн вещи
Исполняю скоро, аккуратно и добросовѣстно. Н. А. Мушниковъ.
Кирилловская улица, домъ Шрамма. 2—2.

Содержаніе:

1.—Слово въ недѣлю XIII по Пятидесятницѣ.—2. Воспоминанія причетническаго сына.—3. Изъ Устюга.—4. Земледѣліе въ быту духовенства—5. Объявленія.

Поправка: Въ № 16-мъ на страницѣ 295-й въ строкѣ 14-й снизу надо читать вмѣсто *Николай* Гавриловичъ—*Иванъ* Гавриловичъ.

Редакторъ Ив. Суворовъ.

Вологда. Типографія Губернскаго Правленія. 1910 г.